

В воздушно-десантных войсках врачи не только прыгают с парашютом, но и занимаются своими профессиональными обязанностями.

...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые, июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются — откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки». Восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом обрывается и ко мне подходит один из них. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки болезного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лепечет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаюсь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камрад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами (семь человек) внедряются (точнее не скажешь) на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократата!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьми деньги. Если не возьмешь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свой труд (во, философ — не за работу, а — за труд) каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру (мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям) и Алеше Филатову — пятьдесят рублей...

За добросовестно проделанный труд...

...Зимние квартиры. Место постоянной дислокации. Около Комсомольского парка. Июльская воскресная духота. Мое суточное дежурство по медицинскому пункту полка. Не отдыхает только ленивый. Тишина даже на территории воинской части.

Эту идиллию вскоре нарушает тарабарщина мужского и женского голосов на незнакомом языке. В медпункт врывается Васька Синицын, майор, начальник штаба батальона, стопроцентный цыган (за 25 лет службы я больше ни разу не встречал цыгана-офицера) с окровавленной девчушкой на руках. Врывается и его жена, цыганка. Окровавленная девчушка (почему-то тоже цыганка?) на руках — их семилетняя дочь.

Бледная. Ни кровиночки на смуглом личике. Кровь на руках и белом ситцевом платье. И ни одного слова, ни одного всхлипывания от нее. Абсолютно сухие глаза. Это не болевой шок. Это не потеря сознания. Это сознательно стиснутые зубы, чтобы не закричать, не заплакать от боли.

Пострадавшую (раненую?) — в перевязочную. (Родители, куда прете? Стойте за дверью). На перевязочный стол. Что там — у нее? Левая рука. Предплечье. От кисти вверх по внутренней стороне по направлению локтевой ямки четыре пятисантиметровые борозды распоротой кожи. Лоскуты кожи. Кровище.

Сухожилия. Мышцы. Вены. Артерии пульсируют. Слава Богу — ничего не задело. Кожа только порвана. Противостолбнячная сыворотка. Обработка раны. Тугая повязка. Зашивать раны не стал — ребенок. А я не детский хирург, не косметолог.

Так и объяснил отцу и матери, когда повезли их дочь на «санитарке» в больницу «Семашко». Там, во время наложения швов на эти раны (жуткие, страшные для ее семилетнего возраста) она опять не проронила ни словечка. Ни одна слезинка не упала из ее по-цыгански очаровательных, прекрасных глаз.

Только возвращаясь из больницы домой, она попросила отца:

— Не наказывай Мурзика!

Оказывается, в ее ранах был виноват домашний любимец, сиамский кот Мурзик, которого она вынесла на улицу поиграть с другими кошками. Когда собралась унести его обратно домой, Мурзик всего один раз махнул лапой с острыми, как лезвие бритвы, когтями...

Через пару недель на Маринке все зажило, как... на цыганке. Маленькой, симпатичной цыганке...

...Это же душно-томное лето. Опять мое дежурство (Везет мне!). На этот раз субботний вечер. Время после солдатского ужина. Очумевшие от ужаса глаза полуголого солдата.

— Там... Девочка... Утонула...

Сумка неотложной помощи через плечо. С места, как на стометровку с низкого старта. Сзади — Лешка Филатов, санинструктор, мой земляк. Тоже «гамбовский волк», из соседнего села.

До озера, прямо за территорией части, — рукой подать. Вон, белеет на берегу, комочек бесформенного тельца в окружении растерянной детворы и полдюжины солдат.

Не отдышавшись, с места «в карьер», кладу этот «комочек» (возможно еще живого тельца) животом себе на колено. Нажимаю на ее хрупкую спинку.

Ух! Пошла вода изо рта и носа. Жму еще. Еще пошла вода. Переворачиваю ее на спину. Кладу на кем-то подстеленную гимнастерку. Делаю искусственное дыхание. Изо рта в рот. Леша синхронно производит непрямой массаж сердца.

Минута. Другая. Без изменений. Включается «автопилот» — протягиваю руку Санструктор уже приготовил адреналин и шприц с длинной иглой.

Готово? Ну, с Богом! Делаю внутрисердечную инъекцию адреналина (до этого случая изучал эту манипуляцию только по учебникам). Филатов вместо меня продолжает делать искусственное дыхание.

Неужели — все? Неужели?..

Ура!!! Пульс есть. Маленький, нитевидный, еле заметный! Но есть! Сердце вновь забило в грудной клетке. В ее маленькой клеточке. Она закашляла. Задышала самостоятельно. Процесс пошел...

В подъехавшую машину «Скорой помощи» мы передали живую девочку. Живую!.. К сожалению... не узнал ни ее адреса, ни как ее зовут...

...Без году неделя как перевелся служить в медсанбат. Бактериологом в СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемио — логический взвод, за время службы в котором название менялось раза три-четыре. Но не в этом суть).

Первое мое врачебное дежурство в медсанбате (сейчас имеет гордое название: «Аэромобильный госпиталь»). Пятница. Окончание рабочего дня. У офицеров и прапорщиков — физическая подготовка. Волейбол. Я сижу в приемном отделении (вначале этот случай хотел описать без кое-каких подробностей, но... истина дороже).

Итак.

Привозят больного солдата из саперного батальона. Болит живот (В моей голове сразу что-то щелкнуло: «прободная язва»). Укладываю на кушетку. Пальпирую живот. Больной орет. Сам живот — твердая «доска». Точно. Мысль, неизвестно откуда влетевшая в мою голову еще до осмотра солдата, оказалась пророческой. Прободная язва!

Иду в спортзал. Говорю хирургу — Валерке Пыхтунову — хирургу от Бога! (мой однокашник по Томску).

— Хорош играть! В приемной — «прободная»!

Игра в разгаре. Мяч мечется над сеткой. Азарт. Как бросить игру? Некогда!

— Смотри сам! Чему тебя учили?

Через десяток минут иду снова в спортзал. Теперь силой уволакиваю его из игры. С неохотой идет за мной. Мнет, щупает живот. Опять мнет. Больной в полудреме. Что странно — не орет. И живот, вроде, мягкий.

— Не сс..! Не паникуй! Ничего страшного. Простая кишечная колика. Под наблюдение дежурного врача. Под твое наблюдение. Больного — в палату.

После волейбола — баня. Пивцо. Винцо. Продолжение банкета. Если что — вызывай. Телефоны. Домашний. Еще — один. Еще — другой. Адрес. Еще — адрес. Еще — другой адрес. Водила знает. Если что, присылай машину.

Все уехали. Остался один. С дежурными медсестрами, с дежурным по части (прапорщик Цюка), с личным составом эвакороты (было такое подразделение в медсанбате — эвакуационная рота), с более полусотней больных (в хирургическом и терапевтическом отделениях). Так что, выходит, остался не один.

Делаю вечерний обход. Захожу в палату, где лежит мой «крестник». Он стонет.

Ощупываю живот. «Доска!» твердая, жесткая «доска»! А не мягкие мышцы живота. Консилиум (?) с дежурной медсестрой: надо срочно оперировать.

Двенадцатый час ночи. Посылаю дежурные машины. Одну — за Пыхтуновым. Другую — за операционной сестрой: Любой Дерябиной.

На первой машине приезжают двое: мой друг-приятель (с Валеркой еще в Томске забирал его сына с женой из роддома) и Володька Агапов, хирург-анестезиолог.

Идем к больному. Мой диагноз: «прободная язва». Их диагноз: «аппендицит». Кишечной колики, однозначно, нет. Все равно: на стол!

Агапов оперирует. Макаров ассистирует. Пыхтунов осуществляет общее руководство из ординаторской. С дивана, устав от «продолжения банкета» (это мое первое участие в подобной операции, не считая институтских тренировок на собачках. Хирургия — не моя стихия. Ничего тут не поделаешь. Но если Родина прикажет. Не зря же шесть лет учился чему-то в медицинском).

Мы в масках. Больной на столе. Операция началась. Новокаин. Разрезается кожа. Новокаин. Вновь разрез. Новокаин. Вскрывается брюшина. И... фонтан жидкости. Из этого разреза.

Перитонит!!! От прободной язвы!

Санитарка — за Пыхтуновым. Мы с Агаповыми и Дерябиной в напряжении, не зная, что предпринимать дальше.

Возвращается санитарка. Появляется Пыхтунов. Помятый. Небритый. Глаза мутные, красные. Маску держит рукой. Мельком глянув на больного, Агапову:

— К аппарату! — И вышел.

У меня на языке вертится вопрос: «Как он будет в таком состоянии оперировать?»

Через десяток минут он опять появляется в операционной. Он или не он? Собранный, напористый, жестокий, в любую секунду готовый броситься и разорвать в клочья, хищник.

Пыхтунов оперирует. Макаров ассистирует. Агапов — общий наркоз. Операция началась. По поводу прободной язвы желудка.

Я никогда не видел, как настоящие Художники пишут свои картины. Создают Шедевры. Наверное, так же, как оперировал (надеюсь, и сейчас оперирует) Валерка Пыхтунов. Из восьмого десантного взвода Томского военмедфака.

Операция закончилась благополучно. Основные действующие лица: больной — в наркозном сне в послеоперационной палате; хирург с анестезиологом — в ординаторской пишут «оперу»; дежурный врач готовится к встрече командира батальона Белого Валерия Ивановича и начальника медицинской службы дивизии Щербина Владимира Ивановича.

Начинается новый рабочий день.

Приемный покой. Я докладываю о случившемся ночью Щербину (он самый большой медицинский начальник в дивизии). Белый стоит рядом. Рассказываю о ходе операции (только деловая часть, никаких лирических отступлений). И... не понимаю реакции начмеда.

— Как ты смел? Кто приказал? На каком основании? Почему? Бактериолог и оперировать? Его что ли нельзя было вызвать?

Я молча смотрю на Белого: что, дескать, за беспредельщина такая?

— С тобой еще разберемся! И накажем! По всей строгости! Чтобы неповадно! Другим! А где — эти? Негодяи!

Пытаюсь влезть в гневный монолог Щербина.

— Отдыхают после операции. Заслуженно.

Командир батальона, подполковник медицинской службы Белый Валерий Иванович, мой непосредственный начальник, командирским резким четким голосом подводит резюме:

— За проявленную смелость и решительность во время несения дежурства объявляю гвардии капитану медицинской службы Макарову Николаю Алексеевичу благодарность в приказе с награждением денежной премией!..

— Служу Советскому Союзу!..

...Очередные показательные занятия. Прохождение штурмовой десантной полосы роты разведки. На глазах у генералитета из Министерства обороны. На глазах у Рауля Кастро.

Все в огне. Все в дыму. Все стреляет. Все взрывается. Кусочки самбо. Кусочки каратэ. Кусочки рукопашного боя. Мельканье кулаков. Мелькание подкованных сапог. Мелькание штык-ножей. Мелькание саперных лопаток.

На последнем рубеже, около горящего полуразрушенного здания, перед глазами высокопоставленной публики (дым вдруг рассеялся), вместо того, чтобы откатиться влево (как на тренировках) один солдат откатывается вправо (забыл, наверное, в этом огненном азарте). Откатывается вправо и получает, со всего размаха, удар штык-ножом. В область сердца...

Крики?.. Нет, криков не было. Запadlo русскому десантнику кричать от боли, от какого-то там удара штык-ножичка. Тем более, на глазах у нашего лучшего брата-министра обороны Кубы.

Опять дым повалил в сторону зрителей, которые так и ничего не поняли. Мне в этой огненно-дымовой свистопляске приходится делать бойцу обезболивающее, накладывать тугую повязку на грудную клетку. На носилки пострадавшего и — в медсанбат.

Какие-то доли миллиметра отделяли сердце (был слегка задет перикард — оболочка сердца) от лезвия штык-ножа. Через месяц десантник поехал в отпуск...

...Похожий случай. Почти похожий.

Слякотная мартовская ночь. Ротные стрельбы из всего штатного оружия. Автоматы, ручные пулеметы, ручные гранатометы, противопехотные наступательные гранаты, пулеметы и пушки всех ротных БМД (БМД — боевая машина десанта): шквал огня в крошечной темноте. Свет только от трассеров; горящие фонарики на спинах командиров, да подсветка мишеней, габариты боевых машин.

Цепь солдат и БДМ растягивается по фронту почти на километр. Кто-то на пять метров впереди, кто-то на эти же метры отстает. Днем-то трудно держать более-менее равнение при ротных стрельбах (хотя, идеальное равнение, в принципе, и не нужно), а что тогда говорить о ночных стрельбах. Когда практически не видно ни соседа слева, ни соседа справа. Какие-то только огоньки. То ли мишенная подсветка, то ли фонарик у кого на спине. Вальпургиева ночь, одним словом. Шабаш на Лысой горе. Так, ненароком, можно и попасть вместо мишени в кого-нибудь. Тьфу, тьфу, чур меня, нечистая.

Я еду сзади на «санитарке» (УАЗ-452-А), рядом с БТРД (БТРД — бронетранспортер десанта, похожий на БМД, только без башни и пушки). На котором находятся, кроме механика-водителя, руководитель стрельб и посредник из штаба дивизии. Мой первый комбат, подполковник Нестеров Виктор Васильевич (для ближайшего окружения и друзей — «Нестор Петрович»).

В какой-то момент, неуловимый миг (а можно ли этот миг уловить?) меня «накрывает» какая-то вязкая чернота весеннего уплотненного (можно даже потрогать) воздуха. В тревоге бьется сердце. Время останавливается.

Сейчас что-то произойдет. Что-то случится непоправимое. Нужно остановить эту огненную ночную свистопляску. Срочно прекратить стрельбу. Иначе — быть беде.

Перебираюсь на БТРД. Прошу Нестерова прекратить стрельбу. Он, естественно, посылает меня с моими ощущениями к батьке Махно. И...

Прямо перед нами в каких-то пяти шагах вправо от машины раздается вскрик... Звуки замирают. Все замирает. Мертвая тишина. И скулеж, невесть как появившийся в этом шквале огня, собаки.

С сумкой неотложной помощи бегу (перепрыгиваю эти метры с брони) на крик.

Не подводит меня, к сожалению, предчувствие. На прошлогодней мокрой жухлой траве лежит солдат. Лицом в землю. Освещаю фонариком. Да БТРД направляет фары. На спине еле заметная дырочка. Сходу ставлю диагноз.

Сквозное пулевое ранение в правую половину грудной клетки. Задето правое легкое. Пневмоторакс. Делаю обезболивающее. Тугую повязку на спину и грудь. Носилки. Матерю вокруг столпившихся. В том числе руководителя стрельбы — комбата Васю Поповича, и посредника со штаба дивизии — Нестерова, и командира полка — Сердечного.

Быстро в «санитарку». Медсанбат. Бригада хирургов на месте. Операция. Все обошлось благополучно. Несмотря на то, что пуля была от «Калаша-5,45», со смещенным центром тяжести.

Раненому повезло. Выстрел был произведен почти в упор (случайно, конечно же) и особых бед своим крутящимся-вертящимся моментом пуля не принесла. Как впоследствии выяснилось на следственном эксперименте: один солдат чуть-чуть опередил цепь «наступающих», другой солдат на чуть-чуть отстал от этой цепи. И никакой мистики... Или мистика?..

...Еще о невероятном ранении. И о невероятном везении. Случай анекдотичный: нарочно не придумаешь.

Лето 1982 года. Тесницкие лагеря. Железнодорожная станция «Тесницкое». Погрузка в эшелон тыловой группы Тульского десантного полка, отправляющейся в Гороховицкие лагеря. В район предстоящих учений. В район десантирования. У меня почетная миссия: назначен старшим медиком на эти полковые учения (всего год назад, как перешел служить в медсанбат — вышестоящую организацию) и также отбываю с этим эшелоном с другими офицерами дивизии.

Личный состав, не задействованный на погрузке, отдыхает, кто как может. Спят. Гоняют футбол. Курят. Слоняются туда-сюда без дела. Повара с ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия) кормят сухарями местного привязанного к дереву небольшого бычка. С острыми рогами.

Один дотошный повар дает этому бычку покурить. Зажженную сигарету. И то ли повар растерялся, то ли бычок не знал с какого конца надо брать сигарету, но получилось точно по чеховскому «Хамелеону». Горящий уголек «бычка» (здесь: «бычок» — остаток сигареты) попадает в ноздрю настоящему бычку.

Рев раненого на корриде зверя. Оборванная веревка. Резкое движение головой. С острыми рогами...

Рев раненого на корриде тореодора. Поток крови. Руками зажатая мошонка.

В медсанбате, на операционном столе констатировали: повреждена только исключительно (!!!) кожа, кожный покров мошонки. Остальные очень и очень жизненно-важные органы под этой кожей не повреждены. И даже — не задеты.

Мистика?..

